

# МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**А.Н. Медушевский**

д. филос. н., профессор, Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики» (Москва)

## ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ И ОЛИГАРХИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ РАБОЧЕЙ БЮРОКРАТИИ

**Аннотация.** Современные левые критики «бюрократического государства» считают, что альтернативой ему может стать технологически новая форма прямой и непосредственной массовой демократии, основанной на принципах синдикализма. Одним из ее исторических воплощений предстает эксперимент «Рабочей демократии», осуществлявшийся в революционной России в самом начале преобразований и свернутый с установлением однопартийной диктатуры. Целесообразно выяснить, насколько этот тезис соответствует действительности. Методологическая стратегия этого исследования — социологическая теория формальных организаций — дает возможность реконструировать процесс институционализации профессиональных союзов под влиянием внутренних и внешних факторов. Имманентная внутренняя логика этой реконструкции приоритетна, если иметь в виду такие факторы, как: меняющиеся идеологические основания системы «рабочей демократии»; ее предполагаемая и реальная роль в процессе производства, распределения и управления национализированной собственностью; динамика организационных форм; их унификация и децентрализация союзов в соответствии с различными уровнями компетенции; каналы информационного взаимодействия; критерии членства и чисток; вариативность конфликтов и формирование новой иерархии. Внешними факторами воздействия выступают глубокая трансформация социальных функций профсоюзов в ситуации экономического коллапса, Гражданской войны, их роль в массовых протестах и мобилизации, противоречивые взаимоотношения с большевистскими партийными властями. Обсуждая эти факторы, автор стремится объяснить, как «аутентичная» модель Государства Рабочих проложила путь формированию эмбриона новой рабочей бюрократии.

**Ключевые слова:** Русская революция, Рабочая демократия, синдикализм, равенство, формальные организации, профсоюзы, социальный протест, олигархические тенденции, лидерство, бюрократия.

JEL: A10, J00, J50, N30.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE\_2022\_1\_102\_125.

В рамках распространенных представлений о русской революции 1917 г., культивируемых в современной левой политической мысли, ее историческое значение связывается с появлением нового демократического проекта — «Рабочей демократии» 1917–1918 гг., предположительно представлявшей собой спонтанный поиск новых исторических форм организации общества и управления на основах солидарности, коллективизма и синдикализма, противостоящих традиционным формам иерархического государства, — эксперимент, который в дальнейшем был свернут в СССР в результате установления однопартийной диктатуры и сталинского тоталитарного режима.

Актуальный интерес к данному Проекту (и некоторым его аналогам в истории других революций XX в.) связан, возможно, с растущей критикой левыми интеллектуалами современного «бюрократического государства» и поиском альтернативы ему в виде так называемой «делиберативной» или «электронной» демократии — ее новой технической формы, предположительно способной вернуть ключевые (и утраченные ныне) параметры классической Античной демократии. Таковыми, в противоположность современной представительной демократии, признаются: непосредственный характер народного волеизъявления, отрицание формализованной иерархии и делегирования административных полномочий; горизонтально организованный (сетевой) характер информационных коммуникаций; коллективное обсуждение и принятие решений; транспарентность голосований; аккумуляция в дискуссии различных социальных позиций, инициатив и различных групп активистов, включая их «дискурсивные практики», отражающие взгляды дискриминируемых меньшинств; способность акторов действовать в интерактивном режиме, исключающем манипулирование и бюрократический контроль над волеизъявлением масс. Все это, в сущности, является требованиями стандартных социал-демократических и анархистских программ и манифестов начала XX в., выраженных в новой интеллектуальной оболочке современного антиглобализма и либертарианства. Целесообразно протестировать эти параметры на эмпирическом материале осуществления проекта «рабочей демократии» во времена самой начальной стадии его реализации.

Сам проект «рабочей демократии», его идеологические и теоретические истоки, содержание и направления осуществления рассмотрены мной в ряде специальных работ [Медушевский, 2017; Медушевский, 2019], основанных на обобщении первичных источников<sup>1</sup>. В задачу данной статьи входит выяснение с позиций социологии формальных организаций происхождения олигархических тенденций в самопровозглашенных институтах рабочего самоуправления 1917–1919 гг. Вопросы, встающие в этой связи: действительно ли возникшие с распадом государства в 1917 г. спонтанные формы народной (профсоюзной) самоорганизации представляли структурную основу непосредственной демократии; какими факторами определялись их эволюция и крушение; каково соотношение внутренней логики развития и внешнего принуждения; как шло формирование социальных установок, коммуникаций и способов контроля за принятием решений, откуда появились новые принципы иерархии, власти и лидерства. Главный вопрос, на который предстоит дать ответ, — было ли появление новой рабочей бюрократии результатом, навязанным диктатурой, или, скорее, стало следствием логики имманентной эволюции формальных организаций советского типа. И в какой мере этот опыт может быть instructивен для современных дебатов о демократии?

---

<sup>1</sup> Важный компонент этой источниковой базы составляет обширный комплекс документов рабочих организаций — опубликованные и архивные материалы центральных и региональных профсоюзных организаций России 1917–1922 гг. Они были собраны и систематизированы в длительно составлявшейся исследовательской картотеке историка рабочего движения Ю.В. Цейтлина (1921–2003), переданной им мне в частном порядке и использованной при написании настоящей статьи. Ссылки на эти материалы затруднены как характером их оформления (это карточки с выписками из документов — стенограмм и протоколов съездов, конференций и профсоюзных собраний разного уровня), так и устареванием имеющихся указаний на местонахождения источников (нумерация архивных фондов и дел с тех пор неоднократно изменялась). Тем не менее данные материалы представляют репрезентативную совокупность источников по проблеме, позволяя, на мой взгляд, достоверно реконструировать динамику организационных форм в профдвижении рассматриваемого периода. Поэтому в тексте они цитируются в кавычках, но без особой ссылки на источник.

## Структурные основы олигархизации «рабочей демократии» в революционной России

Проблема появления олигархических тенденций в рабочих организациях и партиях, декларировавших приверженность принципам равенства, не нова. Она была осознана в момент их формирования и наиболее четко выражена в «железном законе олигархии» Р.Михельса [*Michels*, 1989]. С позиций социологии формальных организаций выделяется ряд факторов, способствующих олигархизации профсоюзов: увеличение размеров организации (интеграция небольших профобъединений в один большой союз); иерархизация структуры управления под влиянием внутренних (усложнение контроля над производством) и внешних (участие руководства в корпоративных переговорах с внешними игроками или правительственными инстанциями) причин; создание особого корпоративного сознания (повышение «ответственности» путем введения коллективной поруки); делегирование полномочий от низовых организаций центру; подмена профессионализма лояльностью руководству, которое постепенно становится практически несменяемым (или сменяется недемократическим путем); общее усиление антидемократического вектора (борьба за «дисциплину»). Сходство современных профсоюзов с однопартийными государствами, на которое указал С.Липсет, также не случайно: «большинство рабочих профсоюзов гораздо больше похожи на однопартийные государства, чем на демократические организации с легитимной и организованной оппозицией и сменой руководства» [*Липсет* 2015, с. 424].

В ситуации постреволюционной России 1918 г. этот вывод, однако, не был очевиден. Противники большевизма отмечали присутствие в нем анархо-синдикалистских тенденций, проявившихся в идее установления «рабочего контроля» над предприятиями [*Милюков*, 1921; *Струве*, 1921; *Суханов*, 1923]. Но они считали его результатом не становление новых форм управления, а хозяйственную разруху как следствие захвата предприятий люмпенизированными элементами [*Далин*, 1922; *Прокопович*, 1923; *Рожков*, 1926]. Напротив, большевистские теоретики [*Осинский*, 1918; *Ломов*, 1918; *Лозовский*, 1918] усматривали в Рабочей демократии принципиально новую историческую форму ее организации, полагая, что профсоюзные объединения могут составить основу всей системы коммунистического самоуправления — от локальных территориальных коммун к российской и всемирной Коммунистической Федерации. При этом они расходились в понимании того, насколько значительны должна быть экономическая и политическая роль профсоюзов, степень их централизации, функции в осуществлении «рабочего контроля» и автономность в отношении советских и партийных структур [*Милютин*, 1918; *Ларин*, 1920; *Крицман* 1924].

Следует иметь в виду, что эти подходы существенно различались в разные периоды осуществления рабочего контроля — до и после введения военного коммунизма, с переходом к НЭПу и по результатам так называемой «дискуссии о профсоюзах», завершившей их огосударствление [*Игнатенко*, 1971; *Шарапов*, 1977]. Эти различия выражены в ретроспективных оценках идеи «рабочего контроля» в общих трудах о русской революции и рабочем движении [*Гимпельсон*, 1974; *Carr*, 1985; *Городецкий*, 1987] и особенно в оценках роли фабрично-заводских комитетов, которые получили диаметрально-противоположный характер в советской [*Панкратова*, 1954; *Виноградов*, 1983], эмигрантской [*Загорский*, 1925; *Гарви*, 1958] и иностранной [*Avrich*, 1963; *Brinton*, 1970] литературе.

В условиях вакуума власти и управления организационные структуры находились в состоянии хаоса и допускали возможность экспериментирования. Национальное изменение членства регулировалось общими идеологическими императивами. Конференции профсоюзов принимали резолюции об объединении рабочих всех национальностей в единых союзах. Обратной стороной этого решения стал запрет профсоюзов, построенных исключительно по национальному принципу: «В связи с возникновением тенденций, склоняющихся к созданию самостоятельных краевых национальных организаций

и усилением цеховых тенденций, — отмечается в документах, — проведение в жизнь идеи централизованного союза встречает огромные препятствия и является необходимым созданием особых переходных организационных форм объединения. Для территориальных объединений необходимо предоставить возможность организации областных союзов, для профобъединений — организацию профсоюзов (секций) во всероссийском масштабе». Наличие люмпенизированных слоев в социальной базе большевизма допускало проявления экстремизма внутри созданных ими профсоюзов (в том числе по линии национального шовинизма).

Обсуждение типологии и структуры профсоюзов позволяет выделить ряд вопросов, определивших стартовые позиции организаторов «рабочей демократии»: 1) полная централизация или областная; 2) синдикалистский лозунг федеративного объединения профсоюзов — характер реализации; 3) представительство малых профсоюзов — степень и формы; 4) допускать ли к организации ВИКЖЕЛ в ВЦСПС; 5) нужны ли областные объединения профсоюзов; нужны ли территориальные центры; 6) полная централизация или централизация по производствам; 7) принимать ли в ВЦСПС отдельные союзы. За основу, как и до революции, бралась немецкая организационная техника в профсоюзах. После Октября большевики не могли резко изменить организации союзов, главным образом потому, что союзы были признаны ими вполне автономными. Констатировалось поэтому несоответствие между организационными формами и методами работы, созданными в прошлый период, и теми задачами, которые теперь в полном объеме встают перед профсоюзами.

Одновременно решалась совокупность других вопросов: о размежевании компетенции между отдельными федеративными органами (в первую очередь высшими и низшими); порядок голосования и принятия решений; специфика статуса — не межсоюзный орган (территориальное объединение отраслевых профсоюзов), а федеративный. Один из аспектов — создание узловых СПС — возможно, один из наиболее важных, в первую очередь с политической точки зрения. Обсуждалась необходимость создания всероссийского союза союзов (государственных служащих). Производственный принцип как организационная основа требовал размежевания профсоюзов по списку профессий и специальностей, по концентрации союзов в одно производство. Но насильственно принуждая одни союзы к слиянию с другими, центральный союз (ЦС) этим самым подрывал принцип строительства союзов по производствам, так как «принуждение и механическое объединение союзов не укрепляет, а, наоборот, разлагает союзную организацию». В документах выражены опасения усиления цехового принципа в ущерб общим интересам.

В организационной динамике присутствовали как интеграционные, так и дезинтеграционные тенденции. Они представлены в дискуссиях об объединении профсоюзов и критериях его осуществления (производственный, ведомственный, функционально-отраслевой). Постановка этих теоретических (идеологических) проблем определяла конкретные пути организационной динамики: место новых профессиональных союзов в политической системе — по отношению к рабочему самоуправлению и власти; задачи межсоюзных органов; отношение к старым профсоюзам (ведомственные и фирменные профсоюзы); условия их создания и ликвидации; роль аппарата профсоюзов — его структура, членство, бюджет, принятие в профсоюзы, партийная принадлежность членов, принципы отчисления взносов — постоянных и единовременных. Этот круг вопросов был актуален прежде всего при организации всероссийских профобъединений по следующим параметрам: центральные и высшие исполнительные органы, вопрос о вхождении профсоюзов с антибольшевистским руководством в ВЦСПС, перестройка последнего с учетом вхождения в него профсоюзов, отношения президиума и ЦК, территориальная организация и представительство, устав ВЦСПС, избирательное право и выборные должности, порядок выборов в центральные органы, статус выборных работников, их полномочия, контроль высших профорганов над выборами в низовых органах, возрастной ценз.

Итоги организационной трансформации подведены позднее Пятой Всероссийской конференцией профсоюзов, принявшей устав ВЦСПС. Все профсоюзы были обязаны регистрироваться в межсоюзных органах, в противном случае — они не могут именоваться профсоюзами. Секции организуются по построению всех производственных союзов при ЦК. Их права определяются составом ЦК и утверждением ВЦСПС. В отдельных случаях в интересах мобилизации соответствующих категорий (инженеров) возможно отступление от производственного принципа построения (секция инженеров или врачей). Обсуждение вопроса о секциях выявило различие структурных концепций: для одних оно означало движение к цеховому принципу, для других — форму мобилизации недостаточно сознательных в классовом отношении рабочих. Результатом стали разные видения масштабов необходимой централизации — большей или меньшей организационной и структурной автономности секций и их права издавать свои документы и сноситься с местами.

В условиях национализации промышленности и создания чрезвычайных институтов «рабочего контроля» инструментами влияния власти на профсоюзы становились: *принципы построения* (производственный принцип и размежевание профсоюзов на его основе); *диверсификация структуры* профсоюзов по организационному принципу (федеративные и территориальные органы, финансирование деятельности, цеховые органы, профорганы фронтовиков; юнионизация *versus* бюрократизация); ряд профсоюзов, по-видимому, имел *смешанный* характер, объединяя цеховые организации и занятых на карликовых предприятиях (и то и другое обстоятельство — мотив для объединения); *унификация и контроль* институтов самоуправления (порядок созыва съездов и конференций, определение норм представительства, регламентация, партийные фракции — меньшевиков, эсеров, интернационалистов и проч.); *дискриминация при приеме новых членов* — по классовому признаку (отстранение предпринимателей и спецов) и по профессиональному признаку (ограничения приема ИТР, кустарей, пайщиков и членов их семей); *создание заградительных барьеров* по этим параметрам (требования политической лояльности, подтвержденной рекомендацией соответствующего профоргана; стажевый ценз, чистки); *селекция состава рядовых членов* (они набирались из пролетариев и классово близких элементов — безработных, военнопленных, временных и сезонных рабочих) и состава органов профсоюзного управления (вытеснение оппонентов ввиду «отказа» от работы в профорганах и на выборных должностях с заменой их «профкадрами», способными транслировать партийную волю); *введение регламентации* их особого положения, карьеры и привилегий (оплата, привилегии, срок полномочий, партийный состав, увольнение); наконец, *массированное воздействие пропаганды* на сознание (особая «профпропаганда»).

Наиболее интересный вопрос — классовое сектантство как ингибитор социальной интеграции. Все эти ограничения, вопреки устоявшимся представлениям, касались не столько предпринимателей (которые не состояли в профсоюзах), сколько кустарей и наемных рабочих, социальный профиль которых ассоциировался с понятием «нетрудовые, непролетарские» элементы. Эта категория была неопределенна и с ней в рассматриваемый период обращались достаточно вольно. Следует разграничить лиц: а) пользующихся наемным трудом; б) кустарей-одиночек; в) бывших предпринимателей. Жесткая дискриминация в отношении этих категорий стала нормой лишь в последующий период НЭПа. ВЦСПС разъяснил, что в отличие от периода Гражданской войны (когда кустарь сдавал свою продукцию госорганам и работал под контролем профсоюзов) в период НЭПа он не может быть членом профсоюза. Эти лица, как выяснилось, «по своим административным задаткам не являются пролетарскими» и поэтому могут «в решительный момент борьбы встать на сторону врагов пролетариата». «Мы, — заявляли активисты, — не можем входить в такие организации, куда входят лица с административной властью. Мы стоим на точке зрения международного принципа классовой борьбы и никаких отступлений с нашей стороны быть не может».

Объектом «ограничительных мер» в первую очередь становились мелкие предприниматели, желающие работать на государственном предприятии, «спецы», а возможно, и администраторы. Мотивы отказа в приеме и изгнания из профсоюза не всегда четко декларировались, но доминировали политические предпочтения. Вопрос о соотношении на предприятиях комитетов рабочих и служащих был решен в пользу их слияния. Объединение ФЗК и служащих было завершено уже к середине 1918 г. Политическая дифференциация часто (например, у железнодорожников) не совпадала со служебным положением — так, конторские служащие управления являлись, несомненно, представителями пролетарских низов, а между тем стояли на крайне правой стороне политического спектра.

## Эволюция структурных основ советского синдикализма

В центре внимания уже в этот период оказалась проблема сохранения «профсоюзной демократии». Изначально (в 1917 — начале 1918 гг.), как показано ранее, имел место плюрализм организационных основ профсоюзов — по территориальному, производственному, ведомственному, национально-этническому критерию, даже создание отдельных организаций неквалифицированных рабочих. Организационная структура еще не стала монолитной, иерархичной и централизованной, как в последующее время. Для этого периода характерны: гласность заседаний профорганов, внимание к соотношению массы и «профкадров», порядку и процедурам голосования; активное участие в принятии решений делегатских собраний, делегатов, с учетом их мандата. В целом доминировало представление о «рабочей демократии» как о соблюдении принципа коллегиальности решений — непосредственном участии «трудящихся» в формировании институтов профсоюзной власти — съездов и конференций. Характерно обсуждение таких специальных процедурных вопросов, как избирательные права, императивный мандат, репрезентативность делегатов (например, обсуждение вопроса о «двойном членстве» одного делегата в разных профсоюзах). На данном этапе «критике снизу» (т.е. низовыми профобъединениями и их членами) подвергались тенденции к централизации и манипулированию профсоюзами — в виде широкой трактовки «демократического централизма», кооптации функционеров в избираемые руководящие органы, нелегитимных действий профорганов. Этот плюрализм был представлен прежде всего в межсекционных органах, что объясняется организационной структурой последних — неопределенностью функций, компетенции, соотношения высших и низших органов, взаимоотношениями с отраслевыми профсоюзами, наличием городских, районных, межсоюзных организаций, где влияние сохраняли оппозиционные большевикам партии меньшевиков, эсеров и анархистов.

Сворачивание внутривидовой демократии (в основном с осени 1918 г.) отражает структурный конфликт в системе. Его основными параметрами следует признать следующие: 1) разрыв преемственности организационных форм (укрупнение профсоюзов ведет к структурной перестройке и выстраиванию иерархии на новых основах); 2) экономические трудности, заставляющие отказаться от коллективных форм разрешения конфликтов (падение зарплат и исчерпание материальных способов стимулирования ведет к протестам, преодолеть которые становится невозможно без введения методов административного принуждения); 3) противоречия между профессиональными союзами различных форм (отраслевыми, территориальными, ведомственными) — межвидовая борьба между ними за контроль над ограниченными ресурсами; 4) апелляция к вышестоящим инстанциям как способ разрешения противоречий, ведущая к централизации и бюрократизации управления в профдвижении; 5) институционализация лидерства нового типа, власть и статус которого основаны уже не на механизмах внутривидовой демократии,

но на самой управленческой иерархии и способности поддержания собственного контроля над профобъединением.

Центральный профсоюз (ВЦСПС) не хочет выпускать из своих рук контроль над разрешением серьезных конфликтов. Подобные конфликты имели разную социальную природу и направленность. Один тип конфликтов связан со стремлением низовых профорганизаций захватить контроль над производством в уездном масштабе, чтобы обеспечить интересы своей фабрики, выражающий непонимание роли государственных органов, стоящих над местными интересами. Другой тип конфликтов возможен внутри политически однородной (по крайней мере формально) организации, хотя выражает различие установок рядовых членов и лидеров или отражает раскол среди последних по текущим вопросам хозяйственного выживания. Третий тип конфликтов — территориальные (национальные) конфликты внутри организации. Примером наиболее массового конфликта между массой и лидерами стали протесты по вопросам о тарифах и коллективных договорах, продолжительности рабочего дня, внеурочных работах и отмененных праздниках. Преодоление подобных конфликтов методами профдемократии оказывалось невозможно в условиях дефицита ресурсов, времени и неопределенных правил их распределения.

В этой перспективе заслуживает внимания постепенный пересмотр смысла ключевых теоретических постулатов синдикализма. Главным из них было устоявшееся в профдвижении представление о соотношении централизации (которая теоретически господствует при капитализме) и децентрализации (гипотетически призванной господствовать при социализме). На переходный период решение усматривалось в их синтезе — принципе «демократического централизма». Амбивалентность этой формулы допускала ее диаметрально противоположные трактовки — в пользу одного или другого компонента. До определенного момента (последовательного проведения начал «военного коммунизма») в профдвижении были представлены искренние попытки осуществления демократического централизма на производстве. Сводное рассмотрение этих попыток выявляет их импровизаторский характер — они различаются по степени осознанности, формализации, интенсивности проведения демократической составляющей (как правило, в организации конференций, собраний, требований к ответственности профлидеров в союзах разного типа). Затем (в основном вторая половина 1918 г.) усиливается централизаторский вектор — представлена все более гипертрофированная централизация, парализующая спонтанную демократию. Демократия признается «роскошью», поскольку увеличивает время, необходимое для принятия решений, а следовательно, сроки их исполнения. Максимальный темп возможен только в рамках милитаризованной диктатуры единоначалия.

Таким образом, процесс олигархизации профсоюзов имеет двойственную природу. Он идет как изнутри (выражая общие социологические принципы действия формальных организаций с переходом от межсекционных форм к более централизованным), так и извне (выражая стремление политической власти максимизировать контроль над профсоюзами и их членами в условиях дефицита ресурсов, кадров и времени).

### **Разложение «рабочей демократии»: девиантное поведение и формы социальной адаптации**

Деградация «рабочей демократии» выражалась в трех факторах — неспособности профсоюзов наладить управление промышленностью (после ее национализации); их отстранении от экономического и политического участия (с передачей управленческих функций ФЗК); росте отчуждения между массой и руководством в профдвижении в условиях мобилизационной экономической программы «военного коммунизма».

Для Советской власти, опиравшейся преимущественно на солдатско-крестьянские массы, самостоятельные пролетарские союзы были опасны. Поэтому большевики попытались подчинить их себе — подменить их функцию защиты условий труда функцией организации производства, т.е., по словам современника, «превратить боевые пролетарские союзы в военно-государственно-технический аппарат». Поэтому конфликт между ФЗК и профсоюзами не случаен и имеет как хозяйственную, так и политическую составляющую [Фин, 1922; Цыперович, 1921; Венедиктов, 1957]. После захвата власти большевиками, при отсутствии развернутого госаппарата, ФЗК, наряду с контролем над производством и распределением продуктов, выполняли и политические задания — установление контроля большевиков над рабочей массой. Их подлинной хозяйственной функцией стал «захват предприятий» и перераспределение ресурсов, но одновременно они стали военно-административными институтами, где, по свидетельству современников, процветали грубость, насилие и карьеризм. Поэтому до образования СНК или СНХ ФЗК подчинялись госорганам — экономическим отделам советов или военно-революционным комитетам. Практическое руководство фабзавкомаами осуществляли все отделы и секции СНХ [Венедиктов, 1957; Виноградов, 1983; Brinton, 1970].

Делегатские собрания, решив заменить себя ФЗК, тем самым подписали себе «смертный приговор». Замена делегатских собраний конференциями ФЗК нарушала демократический принцип пропорциональности. В конечном счете, профсоюзы, передав власть комитетам, утратили функции защиты интересов «трудящихся» и стали органами производства, т.е. фактически государственными органами. Уже вскоре «рабочий контроль» был слит с госконтролем, на что профсоюзы изначально не были согласны. Профсоюзы утратили всякое влияние, и им стало не нужно участвовать в организации контроля. Это ставило проблему деградации профдвижения в целом, о чем писали как русские [Загорский, 1925; Гарви, 1958], так и иностранные [Dunn, 1928; Koch, 1932; Sorenson, 1969; Brüggmann, 1972] аналитики властных отношений в советских профсоюзах.

Типология конфликтов отражает специфику ситуации России 1918 г. Они представлены по следующим параметрам: 1) конфликты, связанные с решением общей проблемы безработицы в условиях экономического коллапса; 2) конфликт рабочих и солдат, вернувшихся по демобилизации, при трудоустройстве последних; 3) конфликты по гендерному признаку (связанные с дискриминацией женщин при трудоустройстве и увольнении); 4) конфликты внутри профсоюзов по вопросам тарифной политики и политики увольнений; 5) конфликты рабочих и администрации по вопросам социальной и жилищной политики, условий труда и выходного пособия; 6) конфликты рабочих и профбюрократии по линии мобилизационных акций; 7) самый главный конфликт — между профсоюзами и ФЗК, опиравшихся на поддержку всех партийно-советских и чрезвычайных органов власти. Решения проблемы управления производством, безработицы и стимулирования труда за пределами его принудительных форм в этот период предложено не было, что связано с закрытием бирж труда и переходом к централизованному перераспределению трудовых ресурсов [Рогачевская, 1973]. Результатом стало «отчуждение рабочих» от производства почти в марксистском понимании этого термина.

Постановления низовых профсоюзных комитетов рисуют общую картину деградации трудовой этики, понятную в условиях отсутствия мотивации к труду [Kaplan, 1968]. Констатируется, что «никто не обращает внимания на свои обязанности», широкое распространение получили «халатное отношение к своим обязанностям», случаи отказа от «общественной работы», и т.п. Протесты против принудительного труда имели место как в активных формах (стачки, забастовки, невыход на работу), так и в пассивных — снижение производительности труда, бегство в деревню, отказ от различных чрезвычайных мобилизационных акций [Венедиктов, 1957].



Рабочие протестовали против общей мобилизации, предлагая включить в нее сначала коммунистов, а уж потом всех остальных. Свидетельством провала мобилизационных кампаний в армию стали заявления ФЗК заводов о неспособности обеспечить даже 10% мобилизации рабочих для соответствующих частей: добровольцев не оказалось, в ход были пущены принудительные меры — насильственная мобилизация молодых рабочих. Для уклонения от трудовой мобилизации рабочими использовались всевозможные предлоги: старые — ссылались на возраст, молодые — требовали, чтобы брали всех без учета возраста, некоторые ссылались на условия труда (по старым меркам — недопустимые). Такова была, например, мотивация женщин, отказавшихся от мобилизации на работы в общественные прачечные. Некто Фогель, руководивший этой акцией, сообщал: что «будет опрашивать каждую (работницу) по списку, согласна ли идти работать в народную прачешную», но «все оказалось безрезультатно» — работницы заявили, что «там очень сыро и не дают обуви и хлеба». Принятое решение состояло в том, что отказавшиеся «будут всего лишены». Отказ от мобилизации мог затрагивать чувства справедливости: протест рабочих против решений завкомов, составлявших списки мобилизуемых с изъятием ряда преданных им категорий, необходимых им будто бы для основного производства, завершился беспорядками и задержанием завкомов мобилизованной молодежью. Результат — скрытые формы протеста, немотивированный отказ от работы: «Падение дисциплины, — констатирует один отчет, — то доходит до того, что были случаи, когда машинисты бросали поезда и паровозы на перегонах без всяких причин» (январь 1918 г.).

Критика неравенства — затрагивала завышенные и несоразмерно высокие зарплаты директоров и членов революционных комитетов, которые «все оказываются пайщиками и родственниками», неконтролируемый вывоз ими продукции со склада, определение ставок по зарплате профсобраниями и их произвольные изменения вне хозяйственной логики. Обращается внимание на деструктивное поведение рабочих (агрессия и выходки хулиганского характера), недовольство служащих рабочими и их своеволием; штрафы и вычеты из жалования у рабочих за самоуправство, порчу техники, отказ работать в праздники и дни, проведенные ими на забастовках и манифестациях. В провинции, где не было денег на выплату жалования и фиксировались случаи голодной смерти, отмечали протестующие работники, на содержание наркоматов и чиновников деньги находились, как и на идеологическую пропаганду в области просвещения.

Вопреки тезису о позднейшей деградации советских профсоюзов, документы позволяют заключить, что все ее элементы присутствуют уже в период «военного коммунизма», в 1918 г. Они включают политическую апатию и недоверие рабочих к «собственным» профделегатам. Уже в этот период «рабочие не знают, кто состоит в фкомитете», «многие из них забыли о существовании фк», часты случаи отказа от «общественной работы», «халатное отношение к своим обязанностям» и т.п. Абсентеизм приобрел угрожающие размеры. Профсоюзные собрания, по отчетам комитетов, не могли проводиться как за отсутствием рядовых членов (вполне осознававших бессмысленность данных акций), так и, что особенно интересно, даже избранных делегатов (отмечен случай, когда на важное собрание из 120 делегатов явилось только 60). Характерны упоминаемые в источниках патриархальные методы борьбы с абсентеизмом — от угрозы штрафов и увольнений, до «закрытия дверей во время собраний» — практики, типичные для всего советского периода.

### **Манипулятивные техники овладения рабочей массой**

На деле большевики в 1918 г. разработали все те технологии манипулирования профсоюзными собраниями, которые в дальнейшем стали повсеместной основой принятия нужных решений и изгнания неудобных деятелей. В резолюциях разных профсобраний

констатируются следующие «бесчинства и насилия»: нарушение кворума (общее число явившихся и имеющих право голоса — не устанавливается); голосование с привлечением посторонней публики (не членскими билетами, а простым поднятием рук); в открытом голосовании «ни разу не было произведено подсчета голосов»; в закрытом — тайна голосования не соблюдалась (ранее она гарантировалась наблюдением избирательной комиссии, составленной из представителей граждан на паритетных началах): председатель профсообщения не избирался, а скорее «сам занимал председательское место»; ни одному протестующему слова не давалось, а о протестах, поступивших в письменной форме, «не доводилось до сведения собрания»; по вопросу о порядке выборов слова никому не давалось, а «пытавшиеся громко заявить с трибуны о таком насилии стаскивались окружавшей председательский стол хулиганской кучкой»; до сведения собрания вообще не доводилось «письменного требования о праве тайных выборов и о предварительных выборах избиркома»; председатель провозглашал прошедшим список большевиков без подсчета голосов (что, напротив, тщательно делалось по спискам эсеров и меньшевиков), причем даже в случаях, когда к моменту голосования в зале оставалось не более четверти делегатов; сроки созыва собрания смещались таким образом, что когда основная масса собиралась, решение уже бывало вынесено. В ряде случаев рабочим, пожелавшим устроить собрание, заявлялось, что необходимо предварительно получить разрешение от Советов. Определенное распространение получила практика введения субординации и «назначенчества», когда занятие ответственных постов в профсоюзах стало допускаться лишь по рекомендации фракции РКП(б); вводилось право досрочного отзыва выбранных профсоюзных работников; проводилась организационная унификация — единая система делопроизводства и статистики; профсоюзы стали рассматриваться как своего рода администрация по сбору взносов (как они дальше и действовали, что может подтвердить любой член советских профсоюзов).

В целом оппоненты большевиков уже в 1918 г. констатировали превращение профсоюзов «в послушные придатки правительственных учреждений» [Гарви, 1958, Загорский, 1925]. Они, однако, еще фиксировали факты произвола в отношении заводских профорганов: обложение совдепами местных фабрик налогами, не соответствующими доходности; арест местными ЧК членов союзов и ФЗК в случаях разногласий; практика проведения своих людей при выборах заводского управления. Характерны призывы к принятию постановлений, «разграничивающих сферу деятельности ФЗК, местные ячейки коммунистов и советы в отношении к предприятиям». Понятия «соглашательства», «саботаж» и, особенно, «полусаботаж» широко применялись для дискредитации недовольных.

В документах комитетов констатируется провал политической и культурно-просветительской работы профсоюзов: «масса впала в апатию, перестала проявлять интерес к знанию и вообще всяким просветительским начинаниям». Рабочие «слабо посещают лекции, неохотно идут на собрания, нет уже прежнего пыла и энтузиазма, чувствуется усталость, упадок энергии и полнейшая инертность». Активисты недоумевали: «опытом установлено, что среди рабочих нет большого желания просвещаться». «Странно! — размышлял шорник А. Розенфельд уже в 1918 г., — По мере «углубления революционных завоеваний» замечается все больше и больше удаление масс от рабочих организаций»; «наблюдается массовый уход от общественной работы и досаднее всего то, что, уходя от профорганизации, они уходят, к сожалению, и от политической жизни». Многие сознательные рабочие «вовсе уходят в сторону, а это есть не что иное, как показатель слабой степени сознательности рабочих».

Наиболее заметной формой социального эскапизма стала алкоголизация рабочей среды, документированная в постановлениях комитетов. Постоянно констатируются «нетрезвое поведение», «пьянство», «распитие спиртных напитков», осуждение тех, «которые будут замечены в пьянстве или манкировании службой»; тот знаменательный факт, что «сами старосты не могли выбрать время даже в правление своего союза прийти трезвыми».

Характерны объявления следующего типа: «Членам ФЗК являться и находиться в комитете в нетрезвом виде строго воспрещается, в противном случае каждый член будет арестован до вытрезвления». От рядовых членов не отставали активисты: им инкриминируется широкий спектр нарушений — от взяток и растрат заводского имущества в различных формах до катания на машинах и стрельбы по ночам пьяных пролетариев и членов профкома.

Объединения, где преобладала интеллигенция, напротив, отторгали прежде всего новые социальные стереотипы поведения, пытались закрыть свои профсоюзы от представителей чужеродной «пролетарской» среды и новой власти: представители учительского съезда 1918 г., профсоюзов работников просвещения и искусства, библиотечных работников заявляли, что они «служат делу, а не власти», и т.п. Их оппозиционность не вызывала ни малейших сомнений. Ее проявления отражены и в соответствующих доносах: «в день октябрьского переворота и следующие ближайшие дни петроградские театры и кинематограф были переполнены преисполненной политического равнодушия обывательской массой»; на спектакле «Лорензаччио» Мюссе оппозиционные настроения получили спонтанное проявление — когда в финале 1 акта, Лоренцо (Орленев) говорит Филиппу, мечтая о свободе: «Ничего не будет; придут немецкие солдаты и разгонят всю эту сволочь» — публика рукоплещет». В Большом театре на представлении оперы «Искатели жемчуга» в исполнении Собинова (16 и 18.02 1918 г.), когда публика неожиданно обнаружила в царской ложе представителей СРСД и стала настойчиво требовать их удаления, спектакль не удалось закончить, и порядок был восстановлен только с помощью вызова Красной гвардии, оцепившей театр. Позднее, в виде компромисса, «представители соввласти сидели в боковой ложе, отведенной для театрального кадра». Но эти протесты против большевизма как «апофеоза глупости и невежества» не шли дальше салонной оппозиционности профсоюзов интеллигенции.

### **Социальная дрессировка рабочей массы: протест, подавление и мобилизация**

Различные формы протеста предполагали дифференциацию репрессивных ответов. Прямые акции гражданского неповиновения (вплоть до восстаний) могли быть объяснены происками классовых врагов, враждебной агитацией и деятельностью противников (меньшевиков и эсеров), требующих жесткого подавления. Организации профсоюзами стачек и забастовок с политическими требованиями, имевшие место сразу после Октябрьского переворота, стали ответом на аресты фабричных комитетов, присылку контролеров и эмиссаров правительства большевиков и выражали непризнание СНК. В ходе утверждения у власти большевики объявили стачки «реакционными», подорвав их финансовую и организационную основу. Во-первых, был осуществлен захват стачечных фондов. Профсоюзные фонды — стачечный, культурный, взаимопомощи, отчисления в фонды после выполнения финансовых обязательств перед вышестоящими органами — были важным ресурсом их независимой позиции. Расход средств стачечного фонда производился губотделом соответствующего союза по инструкции своего ЦК. Кассы фондов (особенно межсоюзных) стали первой мишенью большевистской профбюрократии. Во-вторых, была осуществлена централизация страхового фонда, его бронирование. В-третьих, как «продукт соглашения» были поставлены под контроль важнейшие институты посредничества между рабочими и администрацией (биржи труда, примирительные камеры и третейские суды).

Основные методы профсоюзной борьбы — стачки и забастовки — признавались неприемлемыми уже в условиях мировой войны (так как предприниматели ссылались на отсутствие ресурсов). Тем более это сохранилось в условиях советской диктатуры, поскольку предприятия уже «принадлежат пролетариату». Большевики, ранее заявлявшие

о неприемлемости профсоюзных (тред-юнионистских) методов борьбы и необходимости вырвать права рабочих у предпринимателей «браунингом и штыком», после захвата власти приняли идею чисто профсоюзного разрешения конфликтов, но одновременно свели сами профсоюзы до положения комнатного растения. Когда рабочие, восприняв новые лозунги за чистую монету (например, ознакомившись со статьей Ленина «Очередные задачи Советской власти»), переставали приходиться на работу, к ним применялись принудительные меры. Признавалось, что на переходный период (до полной национализации) в отношениях рабочих и нанимателей (в том числе государства) устанавливаются «партнерские отношения», а профсоюзы наблюдают за их соблюдением. В дальнейшем, согласно этой логике, все конфликты должны исчезнуть «сами собой». В этом контексте интерпретировались такие институты, как примирительные камеры и необходимость принудительного арбитража в случае возникновения споров. Рабочие, помня старые времена, отказывались подчиняться решениям «третейского суда», объявляя «дикую стачку» (например, против введения десятичасового рабочего дня). Но эти запоздалые протесты уже не могли переломить общий репрессивно-мобилизационный тренд.

До массового активного применения чисто репрессивных методов дело сначала не доходило (в силу опасения большевиков утратить собственную социальную базу в крупных городах). Время открытых репрессий наступило в 1918 г. А.З. Гольцман (сторонник Л.Д. Троцкого) заявлял, что реальная политика не останавливается перед «методами беспощадной палочной дисциплины по отношению к рабочим массам, которые нас тянут назад»; готовностью «по отношению к отсталому элементу применять беспощадный метод террора». «Мы, — подчеркивал он, — не будем останавливаться перед тем, чтобы применить тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые неспособны понять наши тенденции». Соответствующие циркулярные документы профсоюзов в 1918 г. вводят систему конкретных мер принуждения: введение СНХ контроля над нормой производства; разработку репрессивных мер за невыполнение нормы — неполная оплата труда, перевод в более низкую категорию или увольнение, запрещение забастовок против установленных тарифов оплаты; все прогулявшие более трех дней будут предаваться в распоряжение комиссии по мобилизации нетрудовых элементов. В случаях открытых проявлений несогласия или «угрозы бунта» использовался весь арсенал средств: в Петрограде, «чтобы дисциплинировать такую массу, приходилось закрывать весь завод». Крайней формой протеста стали восстания рабочих (например, Ижевско-Воткинское), требовавших, среди прочего, ликвидации большевистских советов и смены навязанного руководства собственных профсоюзов [Солженицын, Бернштам, 1981; Чураков, 2007].

Пассивные формы протеста предполагали апелляцию к «трудовому сознанию», коллективной «ответственности» и «дисциплине». Меры ВЦСПС 1918 г. по повышению трудовой дисциплины включали: создание бюро нормирования; усиление штата технического персонала; выделение инструкторов из наиболее квалифицированных рабочих; премирование повышенной производительности до определенного предела; выработку правил внутреннего распорядка. При поддержке «актива» было проведено введение системы санкций за прогулы и опоздания — от ареста на несколько часов или дней до передачи виновного в руки ЧК. В ход шли элементарный обман (например, мобилизация в армию под видом простой регистрации или обещания направить в резервные полки), шантаж (использование доносов партийцев против беспартийной части профсоюзных деятелей), экономические санкции — от лишения мелких привилегий до увольнения, моральный остракизм («рабочие, не подчиняющиеся дисциплине будут заноситься на черные доски»). Для проведения нужных решений, помимо общих призывов к большевистской бдительности, практиковалась фальсификация проведения собраний, недопущение на них «посторонних элементов», изъятие из рабочей среды лиц, занимавшихся «гнусной клеветой» на фабричное начальство.

Образец демагогической тактики советских профсоюзов — проведение ограничения прав рабочих руками самих рабочих. Первоначально важным мобилизационным инструментом служили так называемые «самосуды» — поощряемые большевистскими активистами акты террора — коллективного осуждения врагов, колеблющихся, отстающих и т.п., направленные отнюдь не только против «буржуазии». Суровость их решений (в особенности на местах) сопоставима лишь с их правовой противоречивостью. Сохраняются вопросы: была ли эта суровость справедлива (по меркам самих участников); если она диктовалась заботой о социализме, то была ли нелицеприятной; бывало, что следственные органы оправдали обвиняемых, но ФК и профсоюзы присваивали себе право кассации — действовала по меньшей мере юридическая безграмотность — превышение власти, но, во всяком случае, не добродетели.

Конечно, можно теоретически предположить виновность обвиняемых (в критериях революционного «правосознания»), законное недоверие к следственным органам, стихийно-революционную реакцию на их пристрастное решение (может быть пристрастное из политических соображений, тонкость которых была недоступна низовым профорганизациям). Но о пристрастии органов в протоколах информации нет. Другой вариант — пристрастие ФК и профсоюзов. Суровость их вердиктов вызвана старым конфликтом, вполне возможно, даже с большевистскими членами ФК. Сказывалось влияние общей атмосферы осени 1918 г. — тенденция к осуждению преобладала над тенденцией к оправданию. В ноябре на высшем уровне эту тенденцию начинают притормаживать, но низов это торможение еще не коснулось. Важная деталь: эти самосуды (в отличие, например, от практики Австрийской революции) организуются, как правило, не снизу, а сверху (например, в связи с покушением на Ленина), как минимум, на уровне ФЗК. Можно высказать предположение: большевики, учитывая озлобленность рабочих, сознательно шли на это ограничение (торможение карательных инициатив снизу), поскольку не хотели дать повод для спонтанных политических выступлений. В этом случае самосуды выступают, по-видимому, как реальная опасность целостности профсоюзов — способ их разложения изнутри.

Как заявляли чиновники ВЦСПС, формально зафиксированные нормы — слишком мягкие: «рабочие сами требовали применения более суровых наказаний». В этом контексте заслуживают специального внимания такие институты внесудебного контроля, как *третейские суды*. Обращение к их решениям рисует картину морального разложения профсоюзов (хищения и пьянство, нарушения дисциплины), произвол (дурное поведение «жертв революции», сутяжничество), различные формы хамства и хулиганского поведения администраторов, демагогию аргументов (например, апелляции алкоголиков к своей партийности и революционному прошлому), а также ограниченность воздействия (стандартная итоговая формула — «будут приняты меры»). Основным паллиативом выступает идея «повышения культуры масс» через систему профобразования, профсоюзной и партийной печати, лекторской деятельности. В дальнейшем, их дополняют и сменяют *дисциплинарные товарищеские суды*. Они были созданы декретом СНК (от 14 ноября 1919 г.) с обширной компетенцией (имели право направить осужденных в концентрационный лагерь). Затем (декрет СНК от 5 апреля 1921 г.) она была еще больше расширена (включив такие деяния, как хулиганство, грубость во время работы, самовольное оставление и отказ от работы, мелкое присвоение и мелкие злоупотребления).

### **Коллективное принуждение как механизм репрессивных практик**

Ясно, что эффект репрессивных практик был неодинаков в профсоюзах различного профиля. Он был наиболее заметен в крупных столичных союзах — на национализированных предприятиях, непосредственно связанных с промышленным и военным производ-

ством. Менее выражен он был в географически отдаленных регионах (малых городах) или союзах, допускавших «творческую свободу» (служащих, инженеров, учителей, писателей, артистов, художников и вообще представителей богемы), а также сохранявшихся короткое время профсоюзов маргинальных групп (например, проституток или гостиничных швейцаров), где не существовало проблемы подвижных рабочих графиков (обязательное присутствие на рабочем месте, работа в ночное время или праздничные дни). В профсоюзах служащих (или «спецов») сохранялись возможности неформального общения и дискуссий за пределами профсоюза, а степень вовлеченности рядовых членов определялась не столько «дисциплиной», сколько стремлением к творческой самореализации. Поскольку в этой среде статус профессии был традиционно высок, еще сохранялась свобода обмена информацией, разрыв между членами профсоюза и руководством был не столь велик, а главным критерием доверия служило уважение коллег, а не приказ руководства — попытки административно навязанных стандартов поведения не имели успеха. Они были реализованы лишь в последующий период путем ликвидации данных профсоюзов, интеграции их членов в более общие союзные организации с распространением на них общего идеологического и партийно-бюрократического контроля государства.

В конечном счете официально была принята военно-мобилизационная концепция профсоюзов, смысл существования которых заключался в проведении партийных установок. В этом состоял смысл известной формулы о профсоюзах как «школе коммунизма» (термин, заимствованный большевиками у К. Маркса), в отличие от другой теории (А.К. Гастева), трактовавшей профсоюзы как простую разновидность государственных учреждений и не более того. Смысл существования профсоюзов в этой системе — внутренний контроль за самими рабочими внутри коллективов по следующим параметрам: обеспечение идеологической лояльности, нормы выработки и борьба с воровством. Для этого систематически организовывались обыски рабочих на выходе с предприятий и «суды» над ними. Данная интерпретация профсоюзов вытекает из всех публичных выступлений Ленина — о задачах Советской власти, учете и контроле, организации соревнований, рабочем контроле.

Профсоюзы уже в 1918 г. выступают, таким образом, как органы коллективного принуждения и мобилизации. Инструментами этой политики служили: *перераспределение ресурсов* с участием профсоюзов (реализация хлебной монополии, реквизиций и возрождение натурального обмена); *захват и передел жилищного фонда* (изъятие домов у владельцев и «уплотнение» квартир в пользу «трудового элемента»); осуществление всеобщей *трудовой повинности* (поддержание «труддисциплины»); *учет рабсилы* (введение трудовых книжек, контроль ответственных организаторов и секретарей коллективов); *милитаризация труда* (создание трудармий, прикрепление рабочих к предприятиям, территориальные перемещения рабочей силы); *мобилизация в армию* (проведение наборов, борьба с уклонистами и дезертирами). Инструментами воздействия служили: обход советского законодательства о труде, призывы отказаться от «социалистических» ограничений в условиях чрезвычайной обстановки, нарушения по факту, отсутствие судебного контроля и произвол в этих отношениях. Особое значение имеют методы «морального принуждения» к труду в таких формах, как общественные работы, соревнования, субботники, отмена религиозных праздников, борьба с опозданиями и прогулами и другие проявления стимулирования «коллективного энтузиазма». Результатом становилась *круговая порука*, ведущая к разобщению, когда, по словам современников, «каждый видит в другом врага или шпиона». Усиление контрольно-репрессивной функции профсоюзов связано с господством культуры коллективизма, ее направленным формированием и функциональным предназначением: недемократические выборы, отчетность перед вышестоящими органами, проведение их решений в отношении к массам. Все это вело к ослаблению и отмене традиционных защитных функций.

Принятие концепции мобилизационной экономики и введение системы Тейлора [Тейлор, 1925] предполагало пресечение всех форм отклоняющегося поведения, прежде всего внутри профсоюзов. *Шкала нарушений*, рассматривавшихся комитетами, включает широкий спектр деяний — от уголовных до административных нарушений (расхищение денег из кассы, приписки, неправильное распределение продуктов, невыполнение трудовых норм, самовольные отлучки с производства под разными предлогами; недобросовестное отношение к выполнению своих обязанностей, опоздания, прогулы общественных мероприятий и лекций, непосещение профсобраний, невыполнение общественных поручений, неявка на заседания без уважительных причин, присвоение членских взносов кассирами, бездеятельность). Соответственно, *шкала наказаний* выглядит не менее диверсифицированной — от внутренних дисциплинарных взысканий за пренебрежение к комитету (санкции за непосещение пленарных заседаний профкомитета, если выяснилось, что пролетарии «стали относиться холодно к общему рабочему делу») до ареста за растрату, передачи дела в ревтрибунал, ЧК, предания суду за саботаж. Акциями саботажа признавались такие деяния, как неявка на принудительные работы или военные занятия, отказ от работы или прогулы. Наиболее частыми на производстве были следующие *санкции*: выговор, штраф, замечание, увольнение за прогул, исключение из профсоюза или его совета, отстранение членов местного комитета по решению ревизионной комиссии вышестоящего органа с немедленными перевыборами, коллективное рассмотрение доносов одних членов коллектива на других. Все эти санкции варьировались с учетом состава деяния, классового происхождения и образования (или, точнее, «темноты») злоумышленника.

Контроль над профсоюзами через партийные ячейки стал естественным выходом из ситуации. Первоначально партиячейкам рекомендовалось не заниматься производственными, а ограничиваться только партийными делами — не вмешиваться в хозяйственную деятельность фабричных комитетов. Правда, отмечалось, что на некоторых заводах все дела (включая производственные) решались ячейкой, а это «в корне подрывает авторитет центра». Решения о введении на предприятиях «круговой поруки» и «троек» с диктаторскими правами принимались вполне осознанно не столько по идеологическим, сколько прагматическим причинам, для предотвращения расхищений и поднятия производительности труда.

### **Формирование иерархических принципов «рабочей демократии»: социальная мотивация, масса и активисты**

Определяющее значение для концепции рабочего самоуправления имел конфликт сторонников немедленного перехода к коммунизму (уравнительного натурального распределения как организационной меры на пути к коммунистической ликвидации товарно-денежной системы) и так называемых «индустриалистов», отстаивавших приоритет промышленного развития, необходимость сотрудничества с ведущими западными государствами, привлечение кредитов, научной организации труда, сдельной оплаты. Если для первых основная функция профсоюзов — в обеспечении коммунистического принципа равенства, контроле и перераспределении, то для вторых — представительство высококвалифицированного труда. Борьба этих позиций определяла отношение к основным темам экономики — организации производства (тейлоризм), уравнительности и хозрасчетным механизмам стимулирования труда (сдельные формы оплаты труда), формам нормирования труда (тарифная политика), квалифицированному персоналу («спецы») и партийным привилегиям («партмаксимум»). Этот конфликт «идеологов» и «прагматиков» достиг кульминации в решении проблемы мотивации — революционной экзальтации, принуждения или экономических стимулов.

Вопрос о соотношении демократии и принуждения в профсоюзах требует отдельного обсуждения и уточнения. Если бы от масс требовалось принесение только таких жертв, на которые они были способны пойти добровольно, вопрос снимался бы сам собой. Размеры этой способности определяются: 1) революционной «жертвенной» традицией; 2) привычкой к определенному уровню жизни; 3) культурным уровнем. Масса, однако, не была однородной, ее следует дифференцировать. Значительный ее слой соглашался на требуемые жертвы, составив массовую базу будущей сталинской диктатуры. В рамках теории «рабочей демократии» это ставит ряд вопросов: 1) возможно ли было распространить право демократического контроля на этот слой? 2) стоила ли игра свеч? 3) какова альтернатива этому пути? Исторически до определенного момента активисты верили в необходимость и возможность эффективного демократического контроля над государственным аппаратом, рассматривали такое широкое участие масс в управлении государством, интерпретировали отчетность как противоядие бюрократизации. Введение системы жертв, на которые масса добровольно не пошла бы, влекло за собой обращение к методам принуждения, что означало сворачивание демократии на производстве.

Фактором ослабления «рабочей демократии» становится укрепление единой идеологии профсоюзов, ведущее, с одной стороны, к преодолению фракционности, с другой — к уменьшению влияния членов союза на его принципы. Рост пассивности рядовых членов профсоюза прямо коррелирует с усложнением структуры и бюрократизацией. Наглядное проявление отказа от плюрализма — затухание спонтанных дискуссий, придание им идеологизированного и «дисциплинированного» характера (под контролем руководства), регламентация их проведения (от определения выносимых на них вопросов до процедур голосования и подсчета голосов). В условиях «военного коммунизма» спонтанные дискуссии как способ «воспитания» масс были отвергнуты ввиду угрозы для лидеров потерять даже ту непрочную поддержку масс, которой они временно добились на волне захвата предприятий. Призывы к трудовому энтузиазму плохо работали в условиях растущей регламентации, контроля и принуждения к труду.

Оправданность диктата элиты над массой стала принятой программой действий, но это не решало вопроса о том, как совместить диктат с демократическим контролем над элитой, как предотвратить отчуждение элиты от интересов массы? Этот процесс сворачивания «рабочей демократии», фиксировавшийся разными группами внутрипартийной оппозиции (прежде всего, «рабочая оппозиция», «децисты» и «левые коммунисты»), носил постепенный характер, выглядел на практике как конкуренция «рабочих инициатив» различного типа. Вопрос о «бескорыстии» инициативы быстро уступал место выяснению корысти (в виде материальных интересов отдельных профсоюзов, их руководящих групп и лидеров). Уже в этот период корыстный интерес представлен как значимый фактор мотивации на всех уровнях («взятка» профадминистратору, приоритетное участие в разделе сырья, топлива или продуктов). Внешним выражением данной тенденции, зафиксированной источниками, стало формирование особого стиля жизни новой профсоюзной олигархии. Профактивист нового типа, по словам современников, «производит впечатление барина и сибарита», его характеризует «недостаточная выдержанность» и вообще «презрительное отношение к организации». Характерны «склоки внутри руководства профгруппами», «проклятия по адресу революционеров-большевиков со стороны рабочей аудитории», проявления показного энтузиазма, цинизма и грубости профлидеров. Осуждение профадминистрации рабочими получило вполне зримый характер: «на кой черт мы будем приглашать членов правления союза, — говорили рядовые члены, — когда там сидят саботажники и из-за них-то мы теперь и страдаем»; нам необходимы не «трехрублевые подачки, а нужна работа». И заявляли: «Вас, проклятых, надо расстреливать».

Стремление профсоюзной олигархии сохранить добытые позиции вынуждает ее прибегнуть к ответным мерам — разделить членов союза по степени лояльности, выделив



особую привилегированную группу активистов (даже клана, с использованием коррупции, родственных отношений и политического шантажа); создать механизмы обеспечения собственных перевыборов (т.е. ввести систему манипулирования профсобраниями); закрепить перманентное участие в политической системе профсоюза (добившись поддержки его руководящих инстанций или правящей партии). В этой системе наиболее востребованными качествами лидера становятся уже не «чувство долга» или профессиональная компетентность, но «изворотливость» и «мимикрия», т.е. способность гибкого реагирования на изменение внешних условий и возможность упреждающего выбора линии поведения в отношении поступающих противоречивых политических установок. Случаи добровольной отставки профсоюзных лидеров в силу их расхождения с линией партии в данный период еще имели место, но были скорее единичными.

### Генезис советской профбюрократии

Тенденции к бюрократизации профсоюзов шли по двум направлениям — снизу–вверх (путем коллективного принятия ограничительных уставных требований, классовой селекции состава и дисциплинарных обязательств) и сверху–вниз — через объединение, установление иерархии, манипулирование, формирование аппарата и чистки. Введение организационного единообразия и унификации осуществлялось путем принятия новых уставов, выстраивания иерархической структуры съездов, конференций и делегатских собраний; жесткого разделения компетенции высших (отраслевых) органов и низших, поглощения областных профцентров (где были представлены позиции меньшевистско-эсеровской оппозиции). Направленные манипуляции профсоюзами в данное время только осваивали соответствующие технологии. Фракционные группы постепенно лишались представительства в центральных органах профсоюзов, для чего использовались такие инструменты, как право отзыва, отчетность высших организаций перед низшими, отчетность функционеров перед избирателями, вообще манипуляции представительными институтами.

В результате профбюрократия становится слоем, обособленным от остальных рядовых членов профсоюза, получает возможность направленного воздействия на выборы и определение политики профдвижения. Эти тенденции, раскрытые на материале профдвижения разных стран в XX в., стали основанием для вывода: «Чем более бюрократизирована организация, тем меньше возможности у ее членов влиять на ее политику» [Линсет 2015, с. 430]. Эти универсальные социологические закономерности наиболее четко проявились в организации советских профсоюзов — создании привилегированного и оплачиваемого государством слоя профсоюзной бюрократии, абсолютно лояльного партийному руководству. Однако этот вывод, вполне очевидный применительно к советским профсоюзам в целом, до сих пор оспаривается теми исследователями, которые склонны противопоставлять «демократический» период их деятельности и последующее бюрократическое «перерождение» (начиная с 20-х гг. XX в.) [Pirani, 2008].

Проведенное исследование позволяет переосмыслить этот тезис, указав на факторы, которые вели к бюрократизации профсоюзов в начальный период их формирования. Уже на этой стадии появляется институт «освобожденных профработников» — эмбриона советской профбюрократии. Возникновение данного института, конечно, облегчалось общими условиями формирования однопартийной диктатуры — установлением монополии на финансирование профсоюзной деятельности (определение формы финансирования); информацией (печатные органы, их редакции и порядок назначения их съездом); идеологический контроль — разделение профсоюзных активистов по партийной принадлежности на просоветских и иных (анархисты, интернационалисты, меньшевики, эсеры). Но его появление едва ли стало изобретением большевиков, а подчинялось, скорее общей логике формализации иерархии в профсоюзных структурах.

Первоначальная организационная аморфность сменяется централизацией, носителем которой становится аппарат, готовивший съезды и собрания, расширяя собственную компетенцию и усмотрение, связанное с использованием делегированных полномочий (секретариат, соотношение высших и низших органов, подбор кадров, делопроизводство, рутинная). В результате, констатировали современники уже в 1918 г., «коммунисты пассивны, дискуссий нет, инициатива исходит только сверху», получается «полная мертвечина». Качественным проявлением этой тенденции становится формирование особого слоя — *инструкторов*, сочетавшего традиционные функции профадминистратора с политическими. Вопрос, однако, состоит в том, до какой степени слой инструкторов (наемный, а не выборный аппарат) мог влиять на политику. Прямых сведений в источниках нет, но гипотетически селекция подбора их состава по политическим параметрам не исключала этой роли: если инструкторы и не делали политики, то теоретически могли делать. Во всяком случае, большевики понимали: удобнее иметь аппарат, которому политически доверяешь. И кроме того, зачем в условиях непреодоленного конфликта с оппозиционными партиями открывать своим политическим противникам лишний канал влияния на массы? Сегодня, считали они, данный деятель — инструктор, а завтра его выберут в правительство. С позиций традиционной профдемократии это недемократическое соображение, которое не озвучивалось на конференциях. У массы еще слишком сильны были демократические «предрассудки», убеждение, что аппарат должен подбираться в первую очередь по деловым качествам (а не по политической лояльности). Большевики осознавали, что на данном этапе не следовало шокировать демократические чувства массы чересчур лобовыми формами воздействия в свою поддержку. В дело вступал их тактический макиавеллизм.

Особенно четко эти механизмы представлены на уровне низовых профорганизаций. Секции «Всеросспрофа» ранее создавались при обкомах профсоюзов, включая интеграцию национальных элементов, низших служащих и других обособленных категорий. Структура и организация секций допускала межсекционные координирующие органы. Следствием становился сепаратизм низших профорганизаций по отношению к высшим. Это объясняет их слияние в государственных, кооперативных и частных предприятиях. Общие собрания, утратив связь с реальностью, характеризуются растущим абсентеизмом (о чем свидетельствуют постоянно упоминаемые меры борьбы с ним: принуждение, штрафы, исключение и проч.). Низшей ячейкой союза являются рабочие комитеты.

Регламентация затронула самый низкий уровень Райотдела профсоюза — его собрания (конференции), комитеты, порядки деятельности. Формами воздействия на него служили: направленное формирование состава (при помощи вышестоящих организаций); санкции большинства против меньшинства членов; ревизии (вскрывавшие растраты денег и другие злоупотребления, сопровождавшиеся различными «оргвыводами»); определение регламента собраний и круга решаемых вопросов, возможность слияния одних райотделов с другими; наконец, роспуск низовых профорганизаций вышестоящими. Пересмотр моделей профорганизаций вышестоящими организациями — важнейший механизм смены руководства, позволяющий отстранить неудобного (оппозиционного) лидера по формальной причине укрупнения или разукрупнения соответствующего союза.

## Массы и лидеры

Масштабные проекты социального конструктивизма всегда ставят проблему соотношения инерции и динамики, массы и лидеров. В условиях хаотичной революционной «самоорганизации» общества теоретическая возможность инициативы масс (в целом инертных) уступает место инициативе лидеров. В профсоюзах (как любых выборных институтах) уровень этих инициатив различается в зависимости от сферы деятельности, от органа само-

управления, от времени выдвижения инициативы. Общая тенденция — смена абстрактных идеологических постулатов реальными интересами, доктринёров — практиками.

Социальный статус профсоюзных лидеров имеет двойную легитимность — выборы и поддержка вышестоящей организацией. В период революционного переворота данный статус определялся доверием рабочих, основанном на «социальной близости» лидера, презумпции его компетентности в разрешении производственных проблем и демагогических способностях. В условиях низкого образования или полной неграмотности основной массы рабочих критерием выбора служили элементарная грамотность и выраженная позиция. Этим объясняется привлечение лидеров как из рабочих, так и из нерабочих профессий, представлявших различные левые партии (как правило, это были меньшевики, эсеры и большевики). С укрупнением и иерархизацией профсоюзов возникает естественная тенденция к обособлению функционеров от основной массы членов профсоюзов. Этот процесс определяется логикой отделения управления от производства, умственного труда от физического, наделением функционеров более высоким статусом, исходя из масштаба и круга решаемых задач.

Природа данной тенденции — в растущем приоритете эффективности решений. Стремление к быстрому достижению результата (например, повышение производительности труда) вынуждает отказаться от институтов и процедур «рабочей демократии», несмотря на декларации о необходимости ее соблюдения и расширения. Именно в 1918 г. с началом Гражданской войны происходит радикальный пересмотр утопических представлений о соотношении коллектива и лидеров в профдвижении. Проведение национализации и введение рабочего контроля как чрезвычайного метода управления предприятиями ставят под сомнение способность самих рабочих принимать эффективные решения. Экспроприация предприятий рабочими профсоюзами выдвигала на первое место лидеров последних, руководителей фабричных комитетов, борющихся с предпринимателями за влияние на массы — дельцов, способных осуществить захват заводов, перераспределение ресурсов и поддержание контроля над производством. Формальное руководство профсоюзов сменяется властью ФЗК, а последних — реальным господством чрезвычайных органов («пятерок», «троек»), решения которых проводятся в рабочей среде с помощью «профактива» и «инструкторов».

Карательные меры также ведут к централизации управления массами. Этот вывод подтверждается в условиях любой гражданской войны: если уж решено карать, то не следует слушать каких-либо оправданий. Проведение карательных мер в отношении рабочей массы имеет как непосредственный (принуждение к труду, репрессивные меры администрации за невыполнение задания, угроза увольнения и т.д.), так и опосредованный характер (разработка санкций коллективного осуждения за девиантное поведение и проявления индивидуализма, в частности, различными судами «революционной совести» — самосуды, третейские суды, товарищеские суды).

Колебания масс очень симптоматичны: здесь влияет традиция, недостаток образования (если не отсутствие последнего), пережитки рабской психологии, «классовый эгоизм», т.е. жадное стремление получить краткосрочные выгоды от дележа собственности (захваченных квартир, хлеба, топлива) без анализа общих последствий. В центре этого процесса неизбежно оказывается фигура профсоюзного лидера-демагога, способного увлечь одну часть коллектива немедленными выгодами, другую — обещанием благ в будущем, третью — угрозами и репрессиями за отказ конформистски следовать за «волей большинства». Идеальным типом такого волевого лидера на низовом уровне является известный литературный персонаж М.А. Булгакова — Швондер, интуитивно осознающий границы возможного использования этих инструментов. Эта «воля» в значительной степени конструируется самими лидерами, легитимируется их ближайшим окружением и представляет концентрированное выражение их позиции в условиях конфликта со старой администрацией. Для масс это настоящий «урок опытом».

Проблема соотношения масс и лидеров усложняется в нестабильной системе: в ситуации неинституционализированной демократии (т.е. социального хаоса или охлократии)

вероятность обращения руководства к авторитарным методам возрастает. Какими ресурсами располагали лидеры профсоюзов для овладения массой, как соотносится в их действиях принуждение и поощрение рабочих к лояльному поведению? В начальный период обращение к прямому принуждению еще не существовало в тех масштабах, которые появились позднее. Воздействие угрозой не имеет смысла в ситуации борьбы за колеблющуюся массу: лидер не рассчитывает на активную поддержку, опираясь в лучшем случае на пассивность массы. В ситуации отсутствия безусловной поддержки укрепление власти лидера возможно лишь при нейтрализации оппонентов — сворачивании дискуссий по острым и неудобным темам. Использование «Плети» — сначала было единичным. Однако источники выявляют предпосылки для появления и распространения таких единичных случаев, применение которых вскоре превратилось из исключительной меры в широкую практику советских профсоюзов. Сопrotивление масс администрированию лидеров выразилось в оппонировании низов верхам — от общего собрания до ЦК профсоюза или даже ВЦСПС. Здесь состав и борьба оппозиционных органов действительно отражает «давление масс». Реакция лидеров на подобное давление зависела от предмета разногласия и имела различные формы — от общего убеждения вплоть до угрозы популярного лидера подать в отставку (реальной или мнимой).

Все эти факторы определяют смену «рабочей демократии» — новой формой авторитарного лидерства, коллективизма — принципом «демократического централизма», а последнего — выстраиванием новой профсоюзной бюрократии, связанной с «демократией» только внешними формами легитимации принимаемых решений. Это была такая эволюция форм «профдемократии», которая мало чем отличалась от логики традиционного западного тред-юнионизма, против которого выступали большевики, — идеологии, ограничивающей политическое участие профсоюзов, сводящей его к решению технических вопросов и легитимирующей олигархическое руководство. Отличие советских профсоюзов состояло лишь в том, что они довели эту логику до конца, превратив союзы в мобилизационные институты, действующие под контролем лидеров, навязанных новой властью.

### **Красные мечты и серые будни «рабочей демократии»**

«Политическая индифферентность» существовала некоторое время по инерции — основывалась на традиционном представлении о профсоюзе как защитнике интересов рабочих (а не приводном ремне для повышения производительности труда). Демократические иллюзии порождали недооценку возможностей, которыми располагала правящая партия. В ходе разных съездов, в том числе чрезвычайных и экстренных, принятия новых уставов и унификации законодательства, бюрократия возобладала над профсоюзами. Одновременно профсоюзы с их разветвленной системой регистрации и слежки выполняли функции контроля, цензуры, идеологической обработки «трудового» населения. Они создавали атмосферу фальшивого энтузиазма, соревнования или даже некоторой конфликтности по вопросам, не затрагивавшим основы господства партии.

Поскольку профсоюзы были тесно связаны с партией, группировки в последней стремились повернуть их на свою сторону: поэтому в первые годы большевистского режима бывали ситуации, когда профсоюзы под воздействием оппозиционных «дезорганизаторских элементов» выражали недоверие вышестоящим организациям. В их деятельности усматривалось стремление повлиять на «несознательную часть пролетариата», используя дефекты и ошибки формирующегося коммунального социализма. Были ситуации ухода отдельных групп с профсоюзных конференций и собраний и даже случаи добровольного выхода из руководящих органов по идейным соображениям. Вся эта активность, однако, инициировалась не столько профсоюзами, сколько внешними силами — партийными

фракциями, и прекратилась с середины 1920-х гг. в связи с выстраиванием жесткой властной вертикали ВЦСПС. Постепенно приходит «упадок энергии и интереса к общественной сознательной жизни».

В дискуссиях данного периода представлена критика бюрократизации профсоюзов и отмечены ее основные параметры: вырождение демократии в централизм и милитаризованные формы работы; проявления бюрократизма, самодурства, казенщины и мелочной опеки над профсоюзами. Оппоненты большевиков (например, «рабочая оппозиция») выступают против централизации и ограничения автономии профсоюзов, их сторонники, напротив, говорят о недопустимости автономного существования местных союзов, что ведет к разнобою в тарифной политике и других хозяйственных делах, необходимости жестких мер, вплоть до расстрела «вредителей» и «саботажников». Но эта критика выдавала желаемый утопический идеал «рабочего самоуправления» за действительность, которая исключала спонтанное выражение интересов «трудящихся» поверх воли их лидеров.

Качественное обособление профбюрократии закрепляется особым местом в иерархии, статусом и властью — возможностью перераспределения ресурсов (это не только зарплата, но и фиксация трудовых обязательств, продуктов, жилья, дров и т.п. жизненно-важных благ между членами профсоюза). Решающим критерием статуса «освобожденного профработника» становятся не выборы, но поддержка иерархических институтов. Появилось и утвердилось представление, согласно которому «работа члена правления профсоюза направлена не только в сторону классовых интересов рабочих масс, но и, главное, в сторону государственного и социалистического строительства, должна быть оплачена из средств правительства, а не союза».

Выработался особый отвратительный слой профбюрократии, ведавшей распределением ресурсов, которые, при всей их убогости, были огромной привилегией в голодной стране (как кусок конины в осажденной крепости). Сюда относятся и особые магазины для членов профсоюза, которые не были прямым аналогом закрытых партийных распределителей, но, по сути, выполняли функцию подкорма профактива (особенно с учетом голода в стране). Сюда относятся и курортные услуги, право пользования которыми также теоретически было открыто для всех, но по факту реализовалось для лояльной части работников, в основном формирующейся советской рабочей аристократии — передовиков, активистов и прочих эмбриональных групп формирующейся низшей номенклатуры. С огосударствлением промышленности и проведением милитаризации производства слой функционеров приобретает особый круг задач по непосредственному контролю на производстве, что ведет к обособлению руководящего слоя, начавшего претендовать на монополизацию управленческих функций.

\* \* \*

Вопреки распространенному представлению, большевики не инициировали процесс бюрократизации профсоюзов, но возглавили и использовали его естественное развитие, добившись превращения профсоюзов в послушное орудие своей политики. Логика этой эволюции (почти в биологическом смысле) коренится в природе профсоюзов как формальных организаций. Оригинальность большевистской трактовки профсоюзов (как «школы коммунизма») состоит лишь в осознанном стремлении сделать их орудием принуждения и подавления, мобилизации и несвободного труда. В этом решении заключалось все коварство большевизма — подмена подлинных целей профдвижения мнимыми (при сохранении привычных названий институтов). Эксперимент «рабочей демократии» в России 1918 г. наглядно продемонстрировал утопический характер анархо-синдикалистских представлений о возможности истинного народного самоуправления за пределами традиционного административного государства, настоящей гарантией от произвола бюрократии в котором может служить только его правовой характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Венедиктов А.В.* (1957). Организация государственной промышленности в СССР. Т. 1 (1917–1920). Л.: ЛГУ.
- Виноградов В.А.* (1983). Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. — М.: Наука.
- Гарви П.А.* (1958). Профсоюзы в России (1917–1921). — Нью-Йорк: Фонд по изданию литературного наследия П.А. Гарви.
- Гимпельсон Е.Г.* (1974). Советский рабочий класс 1918–1920 гг. Социально-политические измерения. — М.: Наука.
- Городецкий Е.Н.* (1987). Рождение советского государства 1917–1918. — М.: Наука.
- Далин Д.* (1922). После войн и революций. — Берлин: Обелиск.
- Загорский С.* (1925). Рабочий вопрос в Советской России. — Прага: Свободная Россия.
- Игнатенко Т.А.* (1971). Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР (1917–1967 гг.). — М.: Наука.
- Крицман Л.* (1924). Героический период Великой русской революции (опыт анализа так называемого «военного коммунизма»). — М.: Госиздат.
- Ларин Ю.* (1920). Очерки хозяйственного развития советской России. — М.: Госиздат.
- Липсет С.М.* (2015). Политические процессы в профсоюзах // С.М. Липсет. Политический человек. Социальные основания политики. — М.: Мысль. Гл. 12. С. 423–470.
- Лозовский А. (С.А. Дридзо)* (1918). Рабочий контроль. — Петроград.
- Ломов А.* (1918). Разложение капитализма и организация коммунизма. — М.: Редакционно-издательский отдел ВСНХ.
- Медушевский А.Н.* (2017). Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. — М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Медушевский А.Н.* (2019). Государство-Коммуна: Эксперимент рабочей демократии в России 1918 г. и причины его крушения // Мир России. № 2. С. 63–83.
- Милюков П.Н.* (1921). История второй русской революции. — София: Российско-болгарское книгоиздательство. Т. 1. Вып. 1–3.
- Милютин В.П.* (1918). Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914–1918). М.: Госиздат.
- Осинский Н. (В.В. Оболенский).* (1918). Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. — М.: Госиздат.
- Панкратова А.М.* (1954). История профсоюзного движения в СССР. — М.: Профиздат.
- Прокопович С.Н.* (1923). Очерки хозяйства Советской России. — Берлин: Обелиск.
- Рогачевская Л.С.* (1973). Ликвидация безработицы в СССР 1917–1930. — М.: Наука.
- Рожков Н.* (1926). Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). — М.-Л.: Книга. Т. 12.
- Солженицын А.И., Бернштам М.С.* (1981). Независимое рабочее движение в 1918 г.: Документы. — Париж: IMCA-PRESS.
- Струве П.* (1921). Размышления о русской революции. — София: Российско-болгарское книгоиздательство.
- Суханов Н.* (1923). Записки о революции. — Берлин-Петербург-Москва: Изд. 3. И. Гржебина.
- Тейлор Ф.У.* (1925). Научная организация труда. — М.: НКПС.
- Фин Я.* (1922). Фабрично-заводские комитеты в России. — М.: ВЦСПС.
- Цытерович Г.* (1921). Рабочий контроль и фабрично-заводские комитеты: Речи и резолюции 1-го Международного конгресса Профинтерна. — М.: Отдел печати Профинтерна.
- Чураков Д.О.* (2007). Бунтующие пролетарии: рабочий протест в советской России (1917–1930-е гг.). — М.: Вече.
- Шарапов Г.В. (Изд.)* (1977). История профсоюзов в СССР. — М.: Профиздат.
- Avrich P.H.* The Bolshevik Revolution and Worker's Control in Russian Industry // Slavic Review. No. 3. Pp. 48–60.
- Brinton M.* (1970). The Bolsheviks and Worker's Control 1917 to 1921. The State and Counter-revolution. — London: Black Rose.
- Brüggemann U.* (1972). Die russische Gewerkschaften in Revolution und Bürgerkrieg 1917–1919. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt.
- Carr E.H.* (1985). The Bolshevik Revolution, 1917–1923. — New York: W.W. Norton and Company. Vol. 2.
- Conquest R.* (1967). Industrial Workers in the USSR. — London: Bodley Head.
- Dunn R.W.* (1928). Soviet Trade Unions. — New York: Vanguard.
- Kaplan F.* (1968). Bolshevik Ideology and the Ethics of Soviet Labor, 1917–20. — N.Y.: Philosophical Library.
- Koch W.* (1932). Die bolschevistischen Gewerkschaften. Eine herrschaftssoziologische Studie. — Jena: Gustav Fischer.
- Michels R.* (1989). Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. — Stuttgart.
- Pirani S.* (2008). The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite. — London: Routledge.
- Sorenson J.B.* (1969). The Life and Death of Soviet Tradeunionism. 1917–1928. — N.Y.: Atherton Press.

**Медушевский Андрей Николаевич**

*amedushevsky@mail.ru*

**Andrey Medushevsky**

*Doctor of sciences (Philosophy), tenured professor at the National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow. amedushevsky@mail.ru*

**DEMOCRATIC AND OLIGARCHIC TRENDS IN THE BOLSHEVIST REVOLUTION:  
THE GENESIS OF THE SOVIET LABOR OFFICE**

**Abstract.** Contemporary left critics of the traditional “bureaucratic state” thinks that an alternative should be find in technologically new form of the direct, intermediate and interactive mass democracy, based on syndicalist principles. One of its historical implementation is the experiment of Labor Democracy, probably realized in the early period of Russian revolution and later stopped by the establishment of one-party dictatorship. It is worthy to know how this statement conciliate with historical reality. The methodological strategy of this study — the sociological theory of formal organizations — provides the possibility to reconstruct the process of trade union’s institution-alization under the influence of internal and external social impulses. The internal logic of this reconstruction involves a group of factors. Among them - ideological grounds of the Soviet Labor Democracy system; protracted and real role of unions in the production, distribution and administration of nationalized property; the dynamic of organization in process of unification and decentralization of unions; their interaction on different levels of competence; information channels; criteria of membership and cleanings, variety of conflicts; the formation of a new hierarchy. The external factors under consideration are : the deep transformation of Labor unions social functions in the situation of economic collapse, Civil War, their role in the mass protest and mobilization, contradictory communications with Bolshevik party authorities. Taking into consideration all these factors, the author tries to explain how the “authentic” model of Labor State paved the way to the formation of an embryo of a new worker’s bureaucracy.

**Keywords:** *Russian revolution, Labor Democracy, syndicalism, equality, hierarchy, formal organizations, trade-unions, social protest, oligarchic trends, leadership, bureaucracy.*

**JEL:** A10, J00, J50, N30.

REFERENCES

- Avrich P.H. (1963). The Bolshevik Revolution and Worker’s Control in Russian Industry // *Slavic Review*. No 3. Pp. 48–60.
- Brinton M. (1970). *The Bolsheviks and Worker’s Control 1917 to 1921. The State and Counter-revolution*. — London: Black Rose.
- Brüggmann U. (1972). *Die russische Gewerkschaften in Revolution und Bürgerkrieg 1917–1919*. — Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt.
- Carr E.H. (1985). *The Bolshevik Revolution, 1917–1923*. Vol. 2. New York: W.W. Norton and Company.
- Churakov D.O. (2007). *Buntujuschie proletarii: rabochii protest v sovetskoi Rossii (1917–1930)* [Rebellious Proletariat: The Worker’s Protest in Soviet Russia (1917–1930)]. — M.: Veche. (In Russ.).
- Conquest R. (1967). *Industrial Workers in the USSR*. — London: Bodley Head.
- Dalín D. (1922). *Posle vojn i revolutsii* [After Wars and Revolutions]. — Berlin: Obelisk. (In Russ.).
- Dunn R.W. (1928). *Soviet Trade Unions*. — New York: Vanguard.
- Fin Ya. (1922). *Fabrichno-zavodskie komitety v Rossii*. [The Worker’s Fabric Comities in Russia]. — Moscow: VCSPS. (In Russ.).
- Garvi P.A. (1958). *Profsoyuzy v Rossii (1917–1921)* [Thade Unions in Russia (1917–1921)]. — New-York: Fond po izdaniyu literaturnogo naslediya P.A. Garvi. (In Russ.).
- Gimpelson E.G. (1974). *Sovetskii rabochii klass, 1918–1920 gg. Socialno-politicheskie izmerenya* [The Soviet Working Class, 1918–1920. The Socio-political Dimensions]. — Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Gorodetskii E.Kh. (1987). *Rozhdenie sovetskogo gosydarstva, 1917–1918* [The Birth of the Soviet State]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Ignatenko T.A. (1971). *Sovetskaya istoriografiya rabocheho kontrolya i natsionalisatsii promyshlennosti v SSSR (1917–1967 gg.)* [The Soviet Historiography of the Worker’s Control and Nationalization of Industry in USSR, 1917–1967]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Kaplan F. (1968). *Bolshevik Ideology and the Ethics of Soviet Labor, 1917–20*. — New York: Philosophical Library.
- Koch W. (1932). *Die bolschevistischen Gewerkschaften. Eine herrschaftssoziologische Studie*. — Jena: Gustav Fischer.
- Kritsman L. (1924). *Geroicheskii period velikoi russkoi revolutsii (opyt analiza tak nazyvaemogo “voennogo kommunizma”)* [The Heroic Period of the Great Russian Revolution (an Experience in Investigation of the so-called “Military Communism”)]. — M.: Gosizdat. (In Russ.).

- Larin Yu. (1920). *Ocherki khozyaistvennogo razvitiya Sovetskoi Rossii* [The Survey of Soviet Economy Development]. — M.: Gosizdat. (In Russ.).
- Lipset S.M. (2015). *Politicheskie protsessy v profsoyusach* [Political processes in Trade Unions] // Lipset S.M. *Politicheskii chelovek. Sotsialnye osnovaniya politiki* [Political Man. Social Grounds of Politics]. — M.: Mysl. Pp. 423–470. (In Russ.).
- Lozovskiy A. (S.A. Dridzo) (1918). *Rabochiy Kontrol'* [The Worker's Control]. — Petrograd. (In Russ.).
- Lomov A. (1918). *Razlozhenie kapitalizma i organizatsia komunizma* [The Destruction of Capitalism and the Organization of Communism]. — Moscow: VSNH. (In Russ.).
- Medushevskii A. N. (2017). *Politicheskaya istoriya russkoi revoliutsii: normy, instituty, formy sotsialnoi mobilizatsii v XX veke* [Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutes, Forms of the Social Mobilization in XX Century]. — Moscow-Petersburg: Zentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russ.).
- Michels R. (1989). *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens.* — Stuttgart. (Deutsch).
- Miliutin V.P. (1918). *Sovremennoe ekonomicheskoe razvitie Rossii i diktatura proletariata (1914–1918)*. [The Contemporary Economic Development of Russia and the Dictatorship of Proletariat, 1914–1918]. — M.: Gosizdat. (In Russ.).
- Miliykov P.N. (1921). *Istoriya vtoroy russkoi revoliutsii*. T. 1. [The History of the Second Russian Revolution/ Vol. 1]. — Sofia: Russko-bolgarskoe knigoizdatelstvo. (In Russ.).
- Osinskii N. (V.V. Obolenskii) (1918). *Stroitel'stvo sotsializma. Obschie zadachi. Organizatsia proizvodstva* [The Building of Socialism. General Targets. Organization of Production]. — M.: Gosizdat. (In Russ.).
- Pankratova A.M. (1954). *Istoriya profsoyuznogo dvizheniya v SSSR* [The History of Trade Unions Movement in USSR]. — M.: Profizdat. (In Russ.).
- Pirani S. (2008). *The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite.* — London: Routledge.
- Prokopovich S.N. (1923). *Ocherki khozyaistva Sovetskoi Rossii* [The Survey of Soviet Economy System]. — Berlin: Obelisk. (In Russ.).
- Rogachevskaya L.S. (1973). *Likvidatsiya bezrabotitsy v SSSR 1917–1930* [The liquidation of Unemployment in USSR 1917–1930]. — Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Rozhkov N. (1926). *Russkaya istoria v sravnitel'no-istoricheskom izlozhenii (Osnovy socialoi dinamiki)*. T.12 [Russian History in Comparative-historical Explanation (The Grounds of the Social Dynamic) Vol. 12]. — Moscow-Leningrad: Kniga. (In Russ.).
- Sharapov G.V. (1977). *Istoriya profsoyuzov v SSSR* [The History of Trade Unions in USSR]. — Moscow: Profizdat. (In Russ.).
- Solzhenitsin A.I., Bernstam M.S. (1981). *Nezavisimoe rabochee dvizhenie v 1918 g. Dokumenty* [The Independent Worker's Movement in 1918. Documents]. — Paris: IMCA-PRESS. (In Russ.).
- Sorenson J.B. (1969). *The Life and Death of Soviet Tradeunionism. 1917–1928.* — New York: Atherton Press.
- Struve P. (1921). *Razmyshleniya o russkoi revoliutsii* [Reflections on Russian Revolution]. — Sofia: Russko-bolgarskoe knigoizdatelstvo. (In Russ.).
- Sukhanov N. (1923). *Zapiski o revoliutsii* [Notes on Revolution]. — Berlin-Petersburg-Moscow: Z.I. Grzebin. (In Russ.).
- Taylor F. (1925). *Nauchnaya organizatsiya truda* [The Scientific Organization of Labor]. — Moscow: NKPS. (In Russ.).
- Tsiperovich G. (1921). *Rabochii kontrol' I fabrichno-zavodskie komitety (rechi I rezoliuzii 1-go Mezhdunarodnogo kongressa Profintern)* [The Worker's Control and Fabric Comities (Speeches and Resolutions of the 1-st International Congress of Profintern)]. — Moscow: Profintern. (In Russ.).
- Venediktov A.V. (1957). *Organizatsia gosudarstvennoy promyshlennosti v SSSR T. 1 (1917–1920)* [The Organization of State Industry in the USSR V.1 (1917–1920)]. — Leningrad: LGU. (In Russ.).
- Vinogradov V.A. (1983). *Rabochii kontrol' nad proizvodstvom: teoriya, istoriya, sovremennost* [The Worker's Control over Production: Theory, History, Contemporary Situation]. — Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Zagorskii S. (1925). *Rabochiy vopros v Sovetskoi Rossii* [The Worker's Question in Soviet Russia]. — Praha: Svobodnaya Rossiya. (In Russ.).